

Дрезденъ 8/20 Октября/1870 г.

Милостивый Государь
Многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ,

Я выслалъ сегодня въ Редацію Русскаго Вѣстника всего только первую половину первой части моего романа *Бѣсы*. Но въ очень скоромъ времени вышлю и вторую половину первой части. Всѣхъ частей будетъ *три*; каждая отъ 10 до 12 листовъ. Теперь замедленія не будетъ.

Если Вы рѣшите печатать мое сочиненіе съ будущаго года, то мнѣ кажется необходимо, чтобъ я извѣстилъ Васъ предварительно, хотя бы въ двухъ словахъ, объ чемъ собственно будетъ идти дѣло въ моемъ романѣ.

Однимъ изъ числа крупнѣйшихъ произшествій моего разсказа будетъ извѣстное въ Москвѣ убійство Нечаевымъ Иванова. Спѣшу оговориться: Ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельствъ того убійства я не зналъ и совсѣмъ не знаю, кромѣ какъ изъ газетъ. Да еслибъ и зналъ, то не сталъ-бы копировать. Я только беру совершившійся фактъ. Моя фантазія можетъ въ высшей степени разниться съ бывшей дѣйствительностію и мой Петръ Верховенскій можетъ нисколько не походить на Нечаева; но мнѣ кажется, что въ пораженномъ

// л. 4

умѣ моемъ создано воображеніемъ то лицо, тотъ типъ, который соотвѣтствуетъ этому злодѣйству. Безъ сомнѣнія не бесполезно выставить такого человѣка; но онъ одинъ не соблазнилъ бы меня. По моему эти жалкія уродства не стоятъ литературы. Къ собственному моему удивленію это лицо на половину выходитъ у меня лицомъ комическимъ. И потому, не смотря на то, что все это происшествіе занимаетъ одинъ изъ первыхъ плановъ романа, оно, тѣмъ не менѣе, - только аксессуаръ и обстановка дѣйствій другаго лица, которое дѣйствительно могло бы назваться главнымъ лицомъ романа.

Это другое лицо (Николай Ставрогинъ) – тоже мрачное лицо, тоже злодѣй. Но мнѣ кажется что это лицо – трагическое, хотя многіе навѣрно скажутъ по прочтеніи: «Что это такое?» Я сѣлъ за поэму объ этомъ лицѣ потому, что слишкомъ давно уже хочу изобразить его. По моему мнѣнію это и русское и типическое лицо. Мнѣ очень, очень будетъ грустно, если оно у меня не удастся. Еще грустнѣе будетъ, если услышу приговоръ, что лицо ходульное. Я изъ сердца взялъ его. Конечно это характеръ рѣдко являющійся во всей своей типичности, но это характеръ русскій (извѣстнаго слоя общества). Но подождите судить меня до конца романа, многоуважаемый

// л. 4 об.

Михаилъ Никифоровичъ! Что то говорить мнѣ, что я съ этимъ характеромъ справлюсь. Не объясняю его теперь въ подробности; боюсь сказать не то, что надо.

Замѣчу одно: Весь этотъ характеръ записанъ у меня сценами, дѣйствіемъ а не разсужденіями¹; стало быть есть надежда, что выйдетъ лицо.

Мнѣ очень долго не удавалось начало романа. Я передѣлывалъ нѣсколько разъ. Правда, у меня съ этимъ романомъ происходило то, чего никогда еще не было: Я по недѣлямъ останавливалъ работу съ начала и писалъ съ конца. Но и кромѣ того, боюсь что само начало могло бы быть живѣе. На 5^{1/2} печатныхъ листахъ (которые высылаю) я еще едва завязалъ интригу. Впрочемъ интрига, дѣйствіе будутъ расширяться и развиваться неожиданно. За дальнѣйшій интересъ романа ручаюсь. Мнѣ показалось, что такъ будетъ лучше какъ теперь.

Но не все будутъ мрачныя лица; Будутъ и свѣтлыя. Вообще боюсь, что многое не по моимъ силамъ. Въ первый разъ, напримѣръ, хочу прикоснуться къ одному разряду лицъ, еще мало тронутыхъ литературой. Идеаломъ такого лица беру Тихона Задонскаго. Это тоже Святитель, живущій на покоѣ въ монастырѣ. Съ нимъ сопоставляю и свожу на время героя романа. Боюсь очень; никогда не

// л. 5

пробовалъ; но въ этомъ мірѣ я кое что знаю.

Теперь о другомъ предметѣ.

Судите меня какъ хотите, Михаилъ Никифоровичъ, но я до того обѣднялъ, что, какъ ни совѣстно мнѣ это, не могу не обратиться къ Вамъ съ просьбой! Мнѣ совершенно нечѣмъ существовать, а у меня жена и ребенокъ. При слабомъ здоровьи, она мѣсяцъ тому назадъ откормила ребенка, а теперь, вмѣсто того чтобъ отдохнуть, не спитъ съ нимъ по ночамъ. У насъ не только няньки – и служанки нѣтъ. Это убиваетъ душу мою; работа же иногда развлекаетъ, а иногда и тяжела въ такомъ положеніи.

Я знаю что я Вамъ долженъ очень много. Но на этомъ романѣ я сквитаюсь съ Редакціей. Теперь же прошу у Васъ 500 руб. Я знаю, что это ужасно много; но я почти ровно столько же здѣсь долженъ. Позвольте мнѣ надѣяться на доброту Вашего сердца. Умоляю увѣдомить меня поскорѣе; боюсь что въ Германіи пропадаютъ иногда теперь письма. Я съ ума сойду отъ одной мысли что письмо это пропало. Адресъ мой тотъ-же

Saxe, Dresden
A. Mr Theodore Dostoiewsky
poste restante.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи.

Искренно преданный Вамъ
Федоръ Достоевск<ій.>

Перечель письмо и – совѣстно. Не осудите меня Михаилъ Никифоровичъ!²

// л. 5 об.

¹ а не разсужденіями *вписано*.

² Текст: Перечель письмо и – совѣстно. Не осудите меня Михаилъ Никифоровичъ! – *вписан на полях слева*.